

Никитенко Сергей Викторович

Nikitenko Sergey Viktorovich

Аспирант

Postgraduate student

Санкт-Петербургский государственный университет

Saint Petersburg State University

**КОНЦЕПЦИИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА**

**THE CONCEPTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE LEGAL
PERSONALITY**

Аннотация: Данная работа представляет собой попытку выявления и наиболее полного перечисления существующих в настоящий момент концепций правосубъектности искусственного интеллекта. В литературе наблюдается множество различных подходов, от полного отрицания статуса субъекта права до отождествления с правовым статусом человека. Каждая концепция обладает своими преимуществами и недостатками, которые автор попытался выявить и изложить. В результате исследования автор приходит к заключению о наиболее оптимальной модели правосубъектности искусственного интеллекта.

Abstract: This study is an attempt to identify and most comprehensively enumerate the present-day concepts of the legal personality of artificial intelligence. There are many different approaches in the literature, from complete rejection of the legal subject status to identification with the legal status of a person. Each concept has its own benefits and drawbacks, which the author has tried to determine and outline. As a result of the study, the author comes to the conclusion about the most optimal model of legal personality for artificial intelligence.

Translated with www.DeepL.com/Translator (free version)

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, субъект права, воля, юридическое лицо, робот, электронное лицо

Key words: artificial intelligence, legal personality, subject of law, will, legal person, robot, electronic person

Непрерывность научно-технического прогресса уже в скором будущем приведёт к активной дискуссии по вопросу о концепциях признания искусственного интеллекта субъектом права. Уже в настоящее время, как указывает П. Асаро, одной из наиболее важных проблем в робототехнике является правовой режим роботов как своего рода квазиагентов, поскольку со временем роботам передаётся всё больший объем функций, ранее исполняемых людьми [1].

Рассматриваемые концепции основаны на комплексном анализе существующего массива нормативного регулирования, правовых институтов и доктрины, в том числе, в области теории права. По данной причине, изучение вопроса правосубъектности применительно к интеллектуальным системам позволит расширить понимание субъекта как одной из фундаментальных категорий теории права. От избранной модели правосубъектности будет зависеть решение ключевых вопросов, связанных использованием искусственного интеллекта, в частности, это будет способствовать решению проблем ответственности за совершенные интеллектуальной системой действия, правового режима результатов деятельности ИИ и прочее.

В настоящей работе мы рассматриваем искусственный интеллект как систему, обладающую следующими признаками: способностью воспринимать информацию, автономностью работы без участия человека; способностью самостоятельно совершенствоваться, обучаться; способностью к анализу, обобщению информации, собственного опыта; способностью самостоятельно принимать решения и исполнять их; способностью адаптироваться к внешней среде. Данные признаки нашли отражение во множестве работ, посвящённых искусственному интеллекту [2, с. 43; 3, с. 94-95; 4, с. 69; 5, с. 446].

Прежде всего, отметим, что ответ на вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта зависит от множества переменных, главной из которых является степень автономности интеллектуальных систем, уровень их развития [3, с. 96]. В целом, необходимость признания за интеллектуальными системами правосубъектности на определённом этапе его развития поддерживается множеством авторов [6; 7, с. 60-61; 8, р. 105-106].

Перейдём непосредственно к рассмотрению концепций правосубъектности ИИ. В литературе наблюдается многообразие позиций, начиная с полного отрицания какой-либо субъектности искусственного интеллекта и заканчивая возможностью отождествления правовых статусов человека и интеллектуальной машины.

Начнём мы с наиболее распространённого на данный момент подхода о признании искусственного интеллекта объектом прав, вещью. Данная позиция основана на соображениях об отсутствии у интеллектуальных систем ключевых признаков субъекта права, присущих человеку, будь то сознание, чувства, совесть и прочее [9]. Вместе с тем, некоторые авторы отмечают, что даже если машина достигнет высокого уровня развития и автономии, то и в этом случае она не обязательно должна быть наделена правосубъектностью [10, с. 222]. С другой стороны, сторонниками данного подхода не отрицается, что носителям искусственного интеллекта должен быть присвоен статус вещей или имущества особого рода [11].

Представленная позиция не учитывает наличия у искусственного интеллекта общей предпосылки к субъектности: юридической воли, которая заключается в автономности и способности принимать самостоятельные решения [2, с. 39]. В то же время, у рассматриваемой модели имеются преимущества – в настоящее время, по причине высокого уровня затрат на исследования в области интеллектуальных систем, их признание в качестве объекта имущественных прав является логичным и допустимым, поскольку обеспечивает возможность получить участникам отношений экономической

эффект, выгоду; без этого разработки ИИ существенно замедлятся в связи с инвестиционной непривлекательностью.

В качестве разновидности особого «вещного» статуса искусственного интеллекта ряд исследователей предлагает распространять на искусственные системы правовой режим животных [12], основываясь на критерии автономности действий; при этом такая аналогия права действует лишь в гражданском праве [13, с. 160] (ст. 137 и ст. 128 Гражданского кодекса РФ). Архипов В.В и Наумов В.Б. отмечают, что применить нормы о животных к интеллектуальным системам возможно только в части, связанной с автономностью действий, но не способностью животных переживать эмоции, в связи с чем, на роботов не должны распространяться положения о запрете жестокого обращения [13, с. 164]. Однако, как позднее отмечают исследователи, нормы о защите интеллектуальных систем от «жестокого обращения», всё же, могут быть закреплены в целях защиты самих человеческих ценностей [14, с. 237].

Некоторые авторы предлагают позицию, согласно которой искусственный интеллект может являться одновременно объектом и субъектом права в зависимости от правоотношений [15, р. 22]. К примеру, промышленный робот с элементами ИИ может выступать и как участник производственно-экономических отношений, и как объект, поскольку сам представляет собой аппаратно-программный комплекс и технологию, которые обладают собственной ценностью [17, с. 88]. Преимущество представленного подхода заключается в обеспечении гибкости в решении вопроса о правосубъектности, однако, вместе с тем, применение концепции способно привести к новым трудноразрешимым проблемам, связанным с разграничением субъект-объектных отношений, что усложнит механизм ответственности за действия искусственного интеллекта, а сделает затруднительным определение правообладателя на результаты деятельности ИИ.

В литературе встречаются предложения по отождествлению правового статуса интеллектуальной системы и человека. Основания данной позиции кроются в антропологическом понимании субъекта права [18, р. 22]. Критика концепции не менее основательна: как указывает Бенасайяг М., искусственный интеллект не является человеком или фикцией, за которой стоит человек, а его права носят вторичный и производный характер [19, с. 15-16]. Полагаем, что отождествление человека и разумной машины в праве действительно некорректно, вместе с тем, несколько по иным причинам: в рассматриваемой ситуации мы говорим не о первичном и вторичном субъектах, но о равнозначных видах субъектов права.

Наконец, многие авторы придерживаются позиции, в соответствии с которой искусственный интеллект должен быть наделён статусом юридического лица. При этом отметим, что нам следует различать:

(1) юридическое лицо в широком смысле, под которым подразумевается любая юридическая конструкция, отличная от человека, которая наделена комплексом прав и обязанностей. Данный подход находит отражение во множестве работ именитых правоведов ещё дореволюционной эпохи: Пахман С.О.: «всякое отвлеченное понятие, которому присваиваются права и обязанности» [20, с. 50]; Азаревич Д.А.: «все то, что, не будучи человеком, способно состоять правовым субъектом» [21, с. 1-2] и другие. Согласно А.В. Габову такой подход позволит признать субъектом права «бесконечное множество явлений действительности» [22, с. 111; 10, с. 223];

(2) юридическое лицо в узком смысле, которое представляет собой непосредственно организацию в значении, придаваемом этой категории гражданским законодательством (ст. 48 Гражданского кодекса РФ).

Для начала перейдём к рассмотрению концепции о признании искусственного интеллекта юридическим лицом - организацией. По замечанию Л. Солума правосубъектность в данном случае сведётся к возможности обладать имущественными правами, нести ответственность, а также выступать истцом и ответчиком в суде [23, р. 1231, 1239], что может

быть в полной мере применимо к интеллектуальным системам. Как указывает Гаджиев Г.А., развитый искусственный интеллект может быть признан разновидностью юридических лиц, в том числе, в результате применения техники уподобления как в случае с публично-правовыми образованиями согласно п. 2 ст. 124 Гражданского кодекса РФ [16, с. 24].

В литературе отмечается, что на интеллектуальные системы должен распространяться порядок регистрации, аналогичный процедуре регистрации юридических лиц: система приобретает права и обязанности с момента её регистрации в специальном реестре (например, Едином государственном реестре роботов [13, с. 166]) с присвоением уникальных идентификаторов и одновременным закреплением в реестре производителей, владельцев и пользователей таких систем [24]. В свою очередь, Архипов В.В. и Наумов В.Б. отметили отсутствие каких-либо сложностей в распространении признаков юридического лица, закреплённых в ст. 48 Гражданского кодекса РФ, на интеллектуальные системы [13, с. 166]. Как указали авторы: «Нет принципиальных препятствий к тому, чтобы наделять роботов статусом, аналогичным юридическим лицам: в обоих случаях речь идет о создании искусственной конструкции. <...>» [13, с. 167].

Применение к искусственному интеллекту концепции юридического лица также имеет свои достоинства и недостатки. С одной стороны, это позволит вести учёт всех действующих интеллектуальных систем, предусмотреть условия легитимации их участия, в гражданском обороте, а также установить определённые гарантии для контрагентов. С другой стороны, незарегистрированная ИИ-система, тем не менее, не перестаёт существовать: такая система не утрачивает свою автономность, что противоречит ключевой позиции о взаимосвязи воли и правосубъектности. Кроме того, представленный подход ограничен только сферой гражданского права, и не применим к иным правоотношениям. Кроме того, как справедливо отмечают Габов А.В. и Хаванова И.А.: «разумный робот – <...> это новый участник социальной жизни <...>. И при всей стандартности

подхода к созданию нового субъекта его реализация невозможна без формирования новых институтов, очертания которых <...> будут открываться для юридической действительности по мере развития действительности технологической» [10, с. 223].

Попытки сформулировать такие институты нередко встречаются в научной литературе и образуют, по сути, различные вариации подхода о признании интеллектуальных систем юридическими лицами в широком смысле. В основе рассматриваемого подхода лежит теория неполного юридического лица [8, р. 107], суть которой заключается в том, что интеллектуальная система наделяется «усечённой» правосубъектностью [1] в объёме, зависящем от технологических особенностей и функционального назначения такой системы. Встречаются разнообразные варианты законодательного наименования указанных лиц: «робот» [25], «электронная личность» [26, р. 140-141], «искусственное лицо» [27, с. 472] и прочее, что по справедливому замечанию некоторых авторов не имеет существенного значения [10, с. 223]. Основная дискуссия в рамках данной концепции будет сконцентрирована на критериях определения объема прав и обязанностей, которыми должна быть наделена та или иная система, а также изложению механизма расширения или, наоборот, уменьшения правосубъектности в зависимости от динамики развития интеллектуальных систем.

Наглядным примером реализации такой концепции, а также связанных с этим сложностей и критики является «инициатива Д. Гришина», представляющая собой проект закона «О робототехнике», разработанный В.В. Архиповым и В.Б. Наумовым. Так, в проекте предлагается выделить две самостоятельные категории: «робота», под которым понимается устройство, способное самостоятельно действовать на основе поступающей информации, и «робота-агента», за которым признаётся специальная правосубъектность в силу конструктивных особенностей для участия в гражданском обороте [28, с. 50-51]. Робот признается агентом только в том случае, если его модель была добровольно зарегистрирована в специальном реестре, и его

собственник публично заявил о начале функционирования робота в таком статусе [28, с. 52].

Исследователи отмечают, что по мере технологического развития граница между «роботом» и «роботом-агентом» будет стираться, что приведёт к проблеме разграничения указанных категорий [29]. Многие авторы отмечают, что возможна ситуация, при которой владельцем робота может быть другой робот, что, в свою очередь, сделает невозможным реальное возмещение причиненных убытков [11]. Отмечается, что подход, реализованный в концепции, опасен для всех участников отношений, кроме самих изготовителей роботов, и в принципе трудно реализуем на практике [30]. Одновременно, некоторые исследователи справедливо замечают, что возникновение правосубъектности не должно быть поставлено в зависимость от реализации договорных конструкций, что искажает саму природу правосубъектности, где момент возникновения прав и обязанностей у субъекта должен быть непосредственно связан с появлением мыслительных способностей и способности принимать самостоятельные решения [17, с. 94].

В заключение отметим, что в литературе наблюдается множество подходов к признанию интеллектуальных систем в качестве субъекта права, начиная с полного отрицания какой-либо «субъектности» и констатации вещно-правового режима, до полного отождествления юридического статуса человека и интеллектуальной машины. Каждая из рассматриваемых концепций обладает как сильными, так и слабыми сторонами, будучи релевантной для определённого уровня научно-технического прогресса. Вместе с тем, полагаем, что наиболее подходящей будет концепция юридического лица как искусственной конструкции, отличной от человека и не тождественной организации, которая бы учитывала разнообразие интеллектуальных систем и их возможностей в каждый конкретный период времени. Кроме того, вне зависимости от социо-культурных, экономических и иных обоснований, в основе принятой модели должна быть положена взаимосвязь воли и правосубъектности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Asaro P.M. Robots and Responsibility from a Legal Perspective [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf> (дата обращения 01.05.2020).
2. Васильев А.А., Шпоппер Д., Матаева М.Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. – 2018. – №7-8. – С. 35-44.
3. Понкин А.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. – 2018. – № 1. – С. 91-109.
4. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. – М.: БукиВеди, 2017. – 257 с.
5. Малышкин А.В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник СПбГУ. Право. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 444-460.
6. Eidenmueller H. The Rise of Robots and the Law of Humans [Электронный ресурс] // Oxford Legal Studies Research Paper. – 2017. – No 27. – Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=2941001> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2941001> (дата обращения 01.05.2020).
7. Аристов Е.В., Кузнецова О.А. К вопросу о формировании и развитии права роботов (правового регулирования робототехники) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 8 (99). – С. 58-62.
8. Wein L. The Responsibility of Intelligent Artifacts: Toward an Automation Jurisprudence // Harvard Journal of Law & Technology. – 1992. – Vol. 6. – Fall Issue. – Pp. 103–154.

9. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // *Artificial Intelligence and Law*. – 2017. – Vol. 25. – No 2. – Pp. 155–179.

10. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – № 435. – С. 215-233. – DOI: 10.17223/15617793/435/28

11. Иванов А.А. Мечтают ли андроиды об электроовцах? [Электронный ресурс] // ZAKON.RU – юридический портал. – 2017. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/02/15/mechtayut_li_androidy_ob_elektroovcakh (дата обращения 02.05.2020).

12. Петренко М.Н. Искусственный интеллект: о проблемах правового статуса [Электронный ресурс] // *Аллея Науки*. – 2018. – № 1 (17). – Режим доступа: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/EJanuary/ISKUSSTVENNYY%20INTELLEKT%2000%20PROBLEMAN%20PRAVOVOGO%20STATUSA.pdf (дата обращения 02.05.2020).

13. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робо-тотехнике: аспекты воли и правосубъектности // *Закон*. – 2017. – № 5. – С. 157-170.

14. Гринь С.Н. Эмансипация роботов: элементы правосубъектности в конструкции искусственного интеллекта // *Бизнес. Общество. Власть*. – 2018. – № 1 (27). – С. 233-242.

15. Radutniy O.E. Criminal Liability of the Artificial Intelligence // *Problems of legality*. – 2017. – No 138. – Pp. 132-141.

16. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // *Журнал российского права*. – 2018. – № 1. – С. 15-30.

17. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2019. – № 2. – С. 79-102.

18. Zimmerman E. Machine Minds: Frontiers in Legal Personhood [Электронный ресурс] // SSRN Electronic Journal. – 2015. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2563965> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2563965> (дата обращения 02.05.2020).

19. Бенасайяг М. Мышление за пределами мозга [Электронный ресурс] // Искусственный интеллект: перспективы и угрозы. Курьер ЮНЕСКО. – Июль–сентябрь 2018. – С. 15–18. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0026/002652/265211r.pdf> (дата обращения 02.05.2020).

20. Пахман С. О задачах предстоящей реформы акционерного законодательства. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета, 30.08.1861 г. – Харьков : В Университетской Типографии, 1861. – 159 с.

21. Азаревич Д.А. Юридические лица // Временник Демидовского юридического лица. Книга двадцать восьмая. – Ярославль : в типографиях Губернского Правления, Земской Управы и г. Фальке в Ярославле. 1882. – С. 1–84.

22. Габов А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 105-122.

23. Solum, L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences [Электронный ресурс] // North Carolina Law Review. – 1992. – Vol. 70. – No 4. – Pp. 1231–1287. – Режим доступа: <http://scholarship.law.unc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3447&context=nclr> (дата обращения 03.05.2020).

24. Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities - from Science Fiction to Legal Social Control // Akron Intellectual Property Journal. – 2010. – Vol. 4. – Pp. 171–201.

25. Юренко Н.И. Роботы — потенциальные субъекты права: миф или реальность // Инновации в науке и практике: сборник статей по материалам

IV международной научно-практической конференции. – Уфа. – 2017. – С. 45-47.

26. Beck S. Intelligent Agents and Criminal Law — Negligence, Diffusion of Liability and Electronic Personhood // Robotics and Autonomous Systems. – 2016. – Vol. 86. – Pp. 138-143.

27. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Право. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 461-476.

28. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – № 55. – С. 50-51.

29. Balkin J.M. The Path of Robotics Law // California Law Review Circuit. – 2015. – Vol. 6. – Pp. 45–60.

30. В Shukhov Lab прошел Tech Breakfast “Современный город, законодательство об искусственном интеллекте и робототехнике: какими им быть?” [Электронный ресурс] // URBAN.HSE.RU – новостной раздел сайта Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского. – 2017. – Режим доступа: <https://urban.hse.ru/news/206795842.html> (дата обращения 03.05.2020).

© С.В. Никитенко, 2020